

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЧС РОССИИ ПО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Первые шаги в работе по пожаротушению в Воронежском крае были сделаны ещё в XVI веке с организации специальных дружин и частей по защите от набегов захватчиков и пожаров. Эта работа непосредственно связана с историей города Воронежа, без которой вести речь о развитии пожарной охраны в нашей области было бы просто невозможно.

*Воронежская крепость XVII века с юго-восточной стороны.
С гравюры художника В.Трофимова*

Итак, с целью ограждения русского государства от набегов неприятелей царь Федор Иоаннович подписал указ об основании города-крепости Воронеж, который 1 марта 1586 года дал право боярину Никите Романовичу Юрьеву издать распоряжение о реорганизации сторожевой службы на южной окраине Московского государства. И с этого времени здесь начинается возведение крепостных стен. Специальная комиссия в составе воевод Семёна Сабурова, Ивана Суркова (Мясного) и головы стрельцов и казаков Василия Биркина определила место для строительства крепости, и стала руководить её сооружением.

Город был построен на вершине холма – на высоком крутом выступе правого берега реки Воронеж и заселен людьми пришлыми из Москвы, Тулы, Калуги и Рязани. Жителей, главным образом военных, было несколько сотен. Но уже к 1615 году население города возросло до 6-ти тысяч.

Территория крепости, из которой вырос Воронеж, была сравнительно небольшой, занимала площадь почти 5 тысяч квадратных метров и опоясывалась дубовыми шестиметровыми стенами. Но по мере увеличения числа жителей и расширения города строились новые стены. Основной обязанностью горожан была военная служба, защита страны от недругов, вероломные нападения которых приносили беды и лишения почти с самого основания Воронежа.

Первое большое несчастье постигло город 20 апреля 1590 года, когда к Воронежской крепости подошёл шестисотсабельный отряд черкасских казаков, прибывших с атаманами Селепским, Гусаком и Бораном из приднепровского города Канева, который находился во владениях Литовского княжества.

В это время воронежским воеводой являлся московский князь Иван Андреевич Шибановский-Долгорукий, какому тогда было около 70-ти лет. Под прикрытием своих якобы благих намерений (мол, мы идем воевать против крымских и ногайских татар, помогите нам продовольствием), казаки обманули воеводу. Князь им поверил, разместив на ночлег в остроге у посада, дав пищу и корм для лошадей. А в ответ на гостеприимство воеводы отряд в первую же ночь убил его, истребил гарнизон и всё население Воронежа, подвергнув город полному разграблению и сожжению.

Спустя два года после этой трагедии русский посол Афанасий Рязанов отправился из Москвы к польскому королю Сигизмунду (Жигимонту) III с документами, среди которых была и бумага с записью о сожжении Воронежа.

Однако уже в конце апреля 1590 года русский царь Фёдор Иоанович, узнав о вероломстве украинских казаков и понимая роль Воронежской крепости, назначает нового воеводу – Григория Ивановича Долгорукого, который доводился родственником своего предшественника, и благодаря таланту которого уже через полгода город восстановили.

Вид с реки на Алексеевский Акатов монастырь.

Фото конца XIX века

В 1620 году воронежцы вновь подверглись набегу неприятелей, среди каких были все те же черкасские казаки и литовцы. Но тогда нападение удалось отразить. Не случайно позже в память об избавлении от опасности в городе заложили храм в честь святого Митрополита Алексия, в день которого была одержана победа. Им стал Алексеевский Акатов монастырь, оказавшийся первым огнестойким зданием, построенным в Воронеже из камня.

Весьма печально, но факт, что город семь раз выгорал полностью. О крупных пожарах сообщалось в письменной форме в Москву, о чем сохранилось немало документальных свидетельств.

Так, спустя ровно год после пожара 1672 года, уничтожившего город почти наполовину, воронежский воевода Борис Бухвостов сообщает о новой огненной стихии, которая обрушилась на Воронеж:

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великая, Малая и Белая России самодержцу, холоп твой Бориско Бухвостов челом бьет. В нынешнем, государь, в 181 году мая против третьева числа, в ночи, на Воронеже в посадской в Напрасной слободе загорелся двор, у посадского человека, у Сергушки Савостьянова, и от того, государь, пожару в той Напрасной и Пушкарской слободах у пушкарей и у посадских, у всяких чинов людей, сгорело пятьдесят дворов... А в то, государь, число, как загорелся двор у Сергушки Савостьянова, была сухмень и ветры большие.

В 70-х годах 17-го века воронежцы снова принялись за возрождение своего города, которое сначала шло медленно, а в 1677 году, когда последовал царский указ о полном восстановлении крепости, вылилось в интенсивное строительство. И все таки пожары, которые продолжали возникать то и дело, создавали для него серьезные помехи.

В 1680 году воевода Михаил Вырубов сообщает о пожаре, который произошел 29 июня: «Государю царю и великому князю Федору Алексеевичу, всея Великая, Малая и Белья России самодержцу, холоп твой Мишка Вырубов челом бьет. В нынешнем, государь, во 188-м году июня 29 день на Воронеже, в посаде, волею Божией изнутри загорелась церковь в Успенском монастыре после вечерни за 2 часа до ночи, и от той, государь, церкви сгорела другая теплая церковь, и весь Успенский монастырь и в посаде 80 дворов».

*Успенский Адмиралтейский храм. Современное фото .
Фото конца XIX века*

После этого пожара не раз ставился вопрос о строительстве вместо деревянного каменного храма. Значение Успенского храма в этот период сильно возросло до степени «главного соборного», и поэтому потом церковь строилась пятиглавой. Не случайно именно возле неё по указанию Петра I была сооружена корабельная верфь, в которой стал проводиться обряд крещения кораблей, и она получила ещё одно название – Адмиралтейская.

Вид Воронежа, дворца и цейхгауза Петра I до пожара 1748 года. Старинная гравюра

Крупные ожары в Воронеже пришлось на середину 18-го века. Очень большой пожар случился в ночь с 9 на 10 мая 1748 года. Тушить тогда оказалось нечем, река находилась далеко, а другие водоисточники отсутствовали. Пламя охватило практически весь город, истребив более тысячи жилых домов, в том числе государев дворец, адмиралтейский двор, дома Меншикова, Апрашкина и других вельмож. Сильно пострадали культовые здания, из которых на сей раз Успенский храм меньше остальных подвергся огненным испытаниям. Зато находившиеся рядом с ним немецкая слобода и все присутственные места выгорели полностью.

Кроме того, огонь перекинулся и на острова, уничтожив на них все постройки, старейшей из которых была ветряная мельница. Уцелело только одно кирпичное здание цейхгауза, простоявшее до 1942 года. И, конечно же, самым страшным тогда было то, что погибли сотни людей.

Известный историк и краевед Евгений Болховитинов в связи с этим пожаром отмечает, что от всего города сохранилась только часть предместья, расположенного близ Акатова монастыря, и то только несколько домов. Развитию же и быстрому распространению огня способствовала очень теплая погода, которая в то же время и облегчила участь погорельцев, вынужденных жить днем и ночью под открытым небом на улицах сгоревшего города.

После пожара Воронеж заново отстраивался. Среди новостроек были здания общественного назначения, присутственные места, казенные магазины, погреба и губернаторский дом, возведенный на горе напротив предместья Акатовой части. Город расселился по полю, его обвели валом с двумя башнями и воротами. Одни из них были названы Московскими (вблизи от пересечения современных улиц Карла Маркса и Театральной), другие Девицкими (у пересечения современных улиц Платонова и Станкевича). Со временем более состоятельные горожане начали перебираться с нижней приречной части наверх, а кто победнее оставались на месте – внизу.

*Архитектор Иван Егорович Старов.
Портрет работы С.С. Щукина*

Но не прошло и четверти века, как сильнейший пожар, пришедшийся на 10 августа 1773 года, вновь опустошил Воронеж. Было уничтожено здание магистра, 158 торговых лавок, 249 обывательских домов, 2 питейных дома, 12 соляных амбаров и 18 каменных сараев. Дойдя до оврага (через овраг в 1826 году был перекинут первый в городе каменный арочный мост), вдоль которого проходила улица Воскресенской (ныне улица Орджоникидзе), огонь остановился.

Однако пожары, особенно 1748 и 1773 годов, принесшие столько бед и напастей жителям города, тем не менее, способствовали его развитию, строительству более прочных, каменных зданий, улучшению всей планировки Воронежа.

После пожара 1773 года восстанавливать город решено было по генеральному плану, высочайше утвержденному, спустя 8 месяцев, императрицей Екатериной II. Он был разработан знаменитым архитектором

И.Е.Старовым, которого считают одним из основоположников русского классицизма.

Главным местом строительства, а не застройки, как принято сейчас называть, была выбрана нагорная часть. Раньше город тяготел к реке, к воде, его стесняли овраги и крутые берега. Теперь центр Воронежа отодвинулся к северо-западу и был перенесен на улицу Большая Дворянская (ныне проспект Революции). Впервые появились улицы Пушкинская, Среднемосковская, а дорога, ведущая на Москву (старый тракт) перенеслась со Старомосковской (ныне улица Карла Маркса) на Большую Московскую улицу (ныне улица Плехановская – Московский проспект).

Митрофановский монастырь

*Улица Большая Московская (ныне Плехановская) с колокольни Митрофановского монастыря.
Фото 1900 года*

В основу генерального плана 1774 года был положен часто применявшийся в то время при планировке городов принцип «трезубца». Вершиной «трезубца» - трех воронежских улиц, расходившихся в разные стороны из исторического центра (ныне улицы Платонова, Плехановская, Володарского), служил Митрофановский монастырь. Тогда же наметилась и первая кольцевая улица (современная улица Кольцовская), которая отделяла центральную часть города от слобод. Причем деление Воронежа на центр и окраины, получившее отражение в плане, было сделано по прямым указаниям Екатерины II, которая проводила политику классового разграничения в городах.

При новой застройке старались соблюдать определенные требования пожарной безопасности: «городское строение было тесно, а улицы по три и менее сажень...» Ряд главных улиц застраивался новыми каменными домами купцов, дворян и других состоятельных жителей. Появились новые каменные лавки, магазины.

Строительство велось быстро, и поэтому через четыре года Воронеж уже имел 77 каменных «огнестойких» и более 2-х тысяч деревянных домов, 17 каменных церквей, 3 монастыря, 13 салотопенных и 13 суконных фабрик, кожевенный, свечной, сахарный и другие заводы.

И все-таки, несмотря на ряд мер, принятых для борьбы с пожарами, в том числе и связанных со строительством многих каменных зданий, город неоднократно подвергался воздействию огня.

*Город Павловск. Красная улица.
Фото конца XIX века*

Наряду с крупным губернским городом, от опустошительных пожаров страдали и многие уездные города Воронежской губернии. Так, в 1754 году в городе Павловске выгорела вся артиллерийская слобода и до 80-ти купеческих и разночинных домов. В 1762 году из-за поджогов Киевских и Белгородских батальонов, разместившихся

в Павловске для рубки и сплавления леса в Новозаводившуюся крепость святого Дмитрия, сгорело около ста домов. В 1774 и 1793 годах, по причине поджогов, город выгорал почти полностью. А в 1778 году Павловск пострадал из-за огромного пожара, вызванного сильным взрывом около 800 пудов пороха, который находился в пороховом магазине Павловской крепости. Как выяснилось, в этот магазин залез караульный солдат, которому воры (чтобы уйти в их общество) приказали украсть пороху. Среди ночи солдат вздумал осмотреть оттошную трубу, через которую хотел попасть в погреб магазина. Для этого он навязал на шест свечу, зажег её и опустил в эту трубу. По несчастью свеча упала в погреб, зажгла лежавшие прямо под трубой рогожки, и моментально пламя перекинулось на порох...

Полицейские пожарные части Воронежа

Начало XIX века явилось поворотным этапом развития и строительства пожарной охраны. Манифестом от 8 сентября 1802 года в рамках Управления полицией Второй экспедиции Министерства внутренних дел России организовано единоначалие над проводимыми работами по руководству существующими пожарными командами. А с середины века при Николае I в Российской империи ведется планомерная организация пожарных команд и повсеместное строительство пожарных депо.

В XIX - начале XX века город Воронеж состоял из трех районов, или, как тогда говорили из трех частей: Мещанской, Дворянской и Московской. Причиной такого разделения послужило предписание, сделанное губернатору министром МВД 10 января 1818 года. В нем сообщалось о царском желании разделить российские города на полицейские части, с устройством в каждой из них пожарной команды. Таким образом в Воронеже появились три полицейские пожарные части.

Мещанская пожарная часть была первой и по названию и по вводу в эксплуатацию. Ныне сохранившееся здание части, которое располагалась по улице Старо-Московской (потом Садовой, а сейчас ул. К.Маркса), было построено в 1825 году, и до 1917 года в нем размещались полицейская и пожарная команды.

*Мещанская полицейская пожарная часть.
Фото 1875 года*

В 1853 году, связи с введением новых штатов, личный состав Мещанской части увеличился вдвое. Поэтому в сентябре 1854 года были объявлены торги на строительство при ней казарм для нижних чинов полиции и пожарных, на расширение конюшни и сараев.

Спуск Старо-Московской улицы

Во второй половине 70-х годов XIX века деревянная каланча, находившаяся в центральной части здания, пришла в ветхое состояние, поэтому её пришлось снести, построив рядом новую из кирпича.

*Здание Мещанской части.
Современное фото*

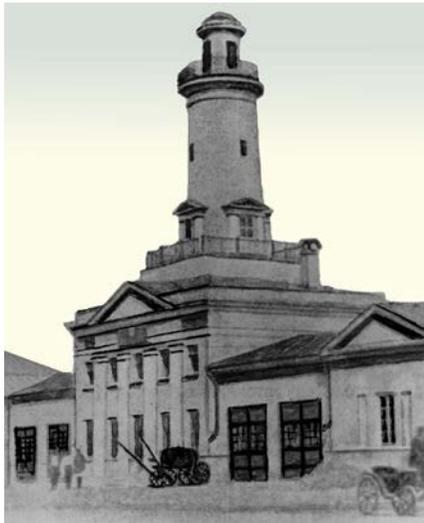

Мемориальная доска на здании части, установленная в 2002 году

Вот что писал в 1874 году в Городскую Управу о строительстве пожарной каланчи при Мещанской части её Пристав Нагурский: «Каланча, где стоит часовой, очень ветха, во время ветра сильно качается и грозит окончательно упасть, а станки в конюшнях совсем развалились».

3 июня 1874 года Воронежская Городская Дума постановила: поручить Городской Управе возведение новой каланчи по проекту архитектора Даниила Максимова, по составленному плану и смете, употребив на него средства, выделенные из суммы от квартирного сбора. При этом было поставлено условие, чтобы строительство каланчи было завершено в следующем году и чтобы оно было занесено в роспись городских расходов на 1875 год.

В смете на устройство кирпичной каланчи, в частности, предусматривалось: вырыть котлован 4,7 куб. саж. глинистой земли; выложить каменный фундамент со щебнем; установить столбы из кирпича нижнего этажа толщиной в одну сажень на кирпичные столбы в два яруса, толщиной в 5, 5 кирпичей; положить стены каланчи толщиной в 2,5 кирпича; сложить складки арок в 3 кирпича; сделать русты и прочие украшения из кирпича по фасаду на 100 кв. саж.; произвести другие работы.

*Каланча Дворянской части (слева),
гостиница «Бристоль» (в центре)*

*Магазин Михайлова с часами перед ним (справа).
Фото конца XIX века*

Подряд на строительство каланчи взял на себя член Городской Управы Сеницын, который в акте от 25 ноября 1874 года написал: «Нашли, что работы произведены прочно и из доброкачественного камня, но кладка каменная каланчи еще не окончена, выведены 2 этажа». Каменную каланчу, высота которой, по сравнению с деревянной, несколько увеличилась, сдали 21 октября 1875 года. Стоимость всей постройки составила 5678 рублей.

Дворянская пожарная часть, получившая свое название от одноименной улицы (ныне проспект Революции), с 1825 по 1930 год располагалась на месте нынешнего здания Дома связи (ОАО «Воронежсвязьинформ», дом №35). Это было очень солидное здание с высокой каланчой, с которой в то время весь город был как на ладони. Еще в 1900-1910-е годы городская дума запланировала снос этого памятника стилю ампир, не понимая его ценности. Уже в 20-х годах прошлого века новая власть решила снести каланчу, а в 1930 году в связи с намеченным строительством Дома связи было снесено всё здание части.

*Каланча Московской части.
Фото конца XIX века*

Что же касается *Московской пожарной части*, то можем сказать только то, что находилась она примерно между зданием старого драмтеатра и входом в Кольцовский сквер, то есть на площади перед нынешним зданием Агропрома.

Московская пожарная часть. Картина неизвестного художника

Еще была одна пожарная часть, о которой мало кто знает. Называлась она **Пожарной частью Вольного пожарного общества** и располагалась в северной стороне Ново конной площади, на пересечении улиц Большой Девицкой и Лесные дворы. В советское время это место, окруженное улицами Кольцовской, 9 Января и Свободы, получило название Комсомольский сквер. Помимо пожарной части, которая, как и остальные, имела вышку (каланчу) для постового и деревянные помещения для конных ходов, на его территории находился самый крупный в городе Владимирский собор, возведенный в честь 900-летия Крещения Руси и разрушенный в 1931 году минувшего столетия (сейчас тут строится новый Христорождественский храм).

За этим собором – Храмом Святого Владимира – находилось здание Пожарной части Вольного пожарного общества

Все названные пожарные части, кроме части Вольного пожарного общества были полицейскими. Поэтому и назывались они «пожарными и полицейскими частями».

Несение службы в пожарных командах регламентировалось «Уставом пожарным», принятым в 1832 году. Он состоял из 7 глав и 150 статей. Основные положения этого документа были изданы ранее, поэтому в нем содержались статьи, нередко противоречащие друг другу. Под стать этому уставу было и решение от 1837 года о комплектовании пожарных команд из числа лиц, отбывших наказание. Это привело к тому, что в ряде команд нашли пристанище уголовники, которые во время пожаров занимались грабежом.

В России в то время и вплоть до 1917 года были полицейские и общественные пожарные части. Содержание, как тех, так и других, производилось за счет городских управ. Разница же между ними состояла в том, что полицейским пожарным командам средства отпускала управа, тогда как осуществление административно-хозяйственного управления принадлежало всецело полиции, а общественные пожарные команды находились лишь в распоряжении городских управ. Городским управам с разрешения министра внутренних дел предоставлялось право учреждать собственные пожарные команды, и в этих случаях существующие пожарные полицейские команды передавались в их ведение.

До 1868 года в Воронеже полицейские пожарные команды комплектовались солдатами действительной службы. Затем они стали комплектоваться вольнонаемным составом. В отдельных случаях их допускалось пополнять молодыми солдатами из числа поступивших в резервные батальоны, которые были менее способны к несению строевой службы, зато были хорошего поведения и смышленными.

В 1871 году МВД России предложило воронежским властям ускорить замену солдат пожарной команды вольнонаемным составом. На это нужны были большие средства, а их у города не было. И только с 1873 года стали постепенно производить такую замену, которая закончилась лишь в 1876 году.

Первая же попытка учредить в городе общественную пожарную команду также пришлось на 1873 год. Однако тогда ходатайство Воронежской городской управы не было удовлетворено. Поэтому только в 1907 году она попыталась сделать это во второй раз. Вопрос решался долго и трудно. И лишь спустя три с лишним года, 4 апреля 1911 года, были утверждены правила об устройстве общественной городской пожарной команды.

*Здание Полицейского управления Московской части.
Фото начала XX века*

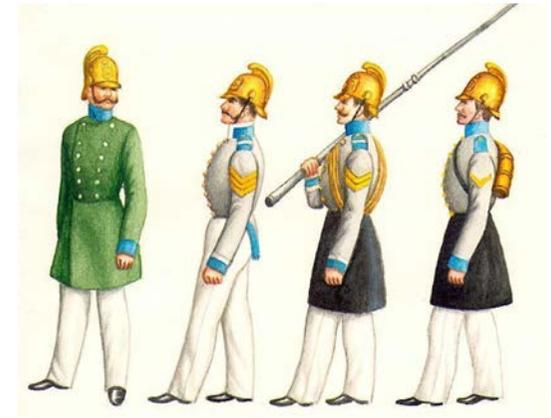
Одним из очень важных вопросов в этих правилах являлся вопрос о руководстве тушением пожара, где было определено: «при действиях на пожарах члены команды подчиняются распоряжениям брандмейстера, который в свою очередь подчиняется распоряжениям начальника полиции». То есть последнее решающее слово при тушении пожара принадлежало не специалисту пожарного дела, а руководителю полиции – человеку весьма далекому от пожарного ремесла.

Можно только представлять какие распоряжения давал полицейский чиновник, и как они потом сказывались на результатах. Таким образом, и после принятия пожарной команды в ведение городской управы, она фактически оставалась в большой зависимости от полиции.

Условия службы

Еще в 1853 году были утверждены штаты городской пожарной команды, в соответствии с которыми к концу 1867 года в команде предусматривались 1 брандмейстер, 6 унтер-офицеров, 104 рядовых, 79 лошадей, 8 ручных пожарных труб с принадлежностями и 20 бочек на зимних и летних ходах.

Пожарные середины XIX века

Личный состав разделялся на водовозов, качальщиков, кучеров, вестовых, заливальщиков и рабочих. В последующие годы – на протяжении 64 лет, несмотря на развитие города и промышленности, штаты пожарной команды существенно не изменялись. Так, в 1916 году в Воронежской пожарной команде было 3 брандмейстера, 109 рабочих, 71 лошадь, 7 пожарных труб, 2 гидропульты, 16

бочечных ходов. То есть по численности и оснащённости действующая городская пожарная команда мало чем отличалась от пожарной охраны более чем полувековой давности. А о её качественном уровне можно было судить по докладу особой комиссии по осмотру пожарного обоза 1872 года. Но, невзирая на слабое техническое оснащение, о котором говорилось в этом докладе, в силу своего профессионального долга пожарные часто рисковали собственной жизнью, чтобы спасти гибнущих людей и потушить пожар.

«Каждый пожарный-герой, всю жизнь как на войне, каждую минуту рискует головой», - отмечал бытописатель Москвы В.А. Гиляровский. И всё-таки, несмотря на такую важную, крайне необходимую, героическую, полную риска работу, должного внимания со стороны центральных и местных властей к пожарным не было. Они, находясь на казарменном положении, работали круглые сутки без смен: неделями, месяцами не выходили из дежурного помещения, где, будучи все время в напряжении, ожидали сигнала тревоги – вызова и выезда на пожар. Изредка пожарным давались кратковременные – от 3-х до 12 часов – «увольнения в город», а за совершенно незначительные проступки их подвергали денежным штрафам и нередко наказывали физически.

В XIX-XX веке современники отмечали тесноту помещения для семей воронежских пожарных: их дети спали буквально под кроватями родителей, размещаясь на полу и во всех свободных проходах. Жалование огнеборцев было очень низким. Обмундирование они обязаны были приобретать сам за свой счет. Даже пожарные, занимавшие относительно высокие должности, как, например, брандмейстер, не имели достаточных средств для обеспечения своей семьи.

Одним из свидетельств этому является рапорт воронежского брандмейстера Логвинова, в котором он писал:

*Воронежскому Полицмейстеру,
Господину Майору и Кавалеру Колиньи
от Брандмейстера Поручика Логвинова*

РАПОРТ

Имея 2-х детей и не имея никакого состояния, кроме получаемого пенсионера и по должности жалования, которым едва могу поддерживать свое существование с семейством, дать же воспитание малолетнему сыну Михаилу, приготовить его к военной службе, не имею решительно никакой возможности.

Известясь, что числа 15 сего месяца Господин Воронежский Губернский Предводитель Дворянства должен избрать и предоставить малолетних дворян к определению в Тамбовский кадетский корпус для воспитания на

капитал Дворянства Воронежской губернии, и что сын мой Михаил состоит записанным во 2-ю часть родословной книги Дворянства Воронежской губернии, что видно из копии протокола, выданной 31 августа 1852 г. за № 603, осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Высокоблагородие, войдите в горестное положение бедного отца-старика, не оставьте Вашим милостивым ходатайством у Высшего начальства об определении означенного сына моего Михаила, имеющего от роду 10 лет и 8 месяцев, в Тамбовский кадетский корпус в сем году на капитал Воронежского Дворянства, в том внимании, что если сын мой не будет определен теперь, то на будущее время он превзойдет определенный возраст для поступления в корпус, и поэтому должен остаться без необходимого образования по бедности отца.

Если просьба моя по ходатайству Вашего Высокоблагородия будет принята уважительно, и сын мой предназначится к определению, то документы на него я приготовлю немедленно.

Брандмейстер Логвинов

В 1907-1914 годах жалованье пожарного составляло всего 12 рублей. В годы первой мировой войны, вследствие поднятия цен на продукты, его заработок был повышен до 20 рублей, но это никак не сказалось на жизненном уровне, так как цены росли в десятки раз быстрее.

Отрицательно сказывался на организации службы и быт пожарных, и использование личного состава, как принято сегодня говорить, не по прямому назначению. Особенно в этом деле усердствовало руководство полиции, в ведении которого находилась пожарная команда.

Так, в 1907 году 5 пожарных находились в непосредственном подчинении начальника полиции, из них 2 - в качестве личной прислуги, а еще 9 - в распоряжении других членов полиции. Если самих пожарных использовали для удовлетворения личных нужд, отвлекая их от непосредственной работы – тушения пожаров, то что тогда говорить в целом о пожарном обозе. Из 79 штатных лошадей в то время только 55 использовались по прямому назначению, а 21 – находились опять-таки в непосредственном ведении начальника полиции, его помощника и пристава. Видя такой безнаказанный «грабеж пожарной команды», один из членов городской Думы, доказывая необходимость передачи пожарной команды из ведения полиции в ведение городской управы, тогда писал:

-...Таким образом, 24 лошади ожидают очереди быть водворенными на свои места для служения пожарному делу, которое жаждет их как крайне необходимые для вывоза бочек с водой, являющихся, главным образом, орудием в

борьбе с огнем, требующей непрерывной струи. А какая тут может быть непрерывная струя, когда даже из имеющихся налицо 17 бочек, выезжает за неимением лошадей 12. Берутся еще лошади и для разных других работ. Между прочим, ежегодно на приготовление площади Митрофановского монастыря к обнесению мощей святителя берутся 18 человек (не считая лошадей) – это уж никак не относится к пожарному делу...

Невыносимые бытовые условия, жалкое нищенское жалованье, служба круглые сутки без смен, использование людей, инвентаря не по назначению привели к большому некомплекту и текучести кадров.

- Причина сего та, что малый оклад жалованья при огромной опасной работе никого не привлекает службой в пожарной команде, хотя в настоящее время весь состав пожарной команды, освобожденный по закону в действующую армию, до некоторой степени закреплен. И, тем не менее, необходимо отметить, что материальное положение служащих не отвечает общим условиям жизни, значительно ныне изменившимся, благодаря дороговизне жизненных продуктов, в силу чего некоторые из пожарных служащих прямо-таки просят об отправлении их в действующую армию, заявляя, что при нахождении их в действующей армии, будут обеспечены, по крайней мере, их семьи.

Так описывал состояние пожарной команды в 1912 году сам брандмайор – начальник всех пожарных частей города. Это сказывалось и на качестве кадров пожарной охраны. Например, говоря об образовательном уровне пожарных в 1912 году, можно сказать, что из 110 человек 52 были неграмотными, а остальные малограмотными.

Памятник брандмайору в городе на Неве